

© 2005 г.

«LATE ANTIQUITY»: ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ, ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И СЕМИНАР «EMPIRES UNLIMITED» (Central European University)*

Редки академические проекты, которые сочтали бы столь высокий научный уровень с широтой хронологического и тематического диапазона исследования. Широта замысла не всегда находит адекватное и точное исполнение, но бывают и счастливые исключения. Такое исключение из правил представляют собой семинары Центрально-Европейского университета с общим несколько провокационным названием «Empires Unlimited», организованные в Будапеште при участии многих зарубежных гостей и партнеров. Лекции и дискуссии, предложенные участникам университетского семинара, посвящены как изучению имперской идеи в целом, так и отдельным аспектам истории древних империй, теме культурного и идеологического наследия империй в истории цивилизаций.

Дискуссии, осуществляемые в рамках проекта «Empires Unlimited», к сожалению, мало известны российским историкам, особенно историкам античности, и сам Центрально-Европейский университет (ЦЕУ) не ассоциируется с академической традицией антиковедения, что не совсем справедливо, принимая во внимание активность последних лет в области изучения Поздней античности. Университет в целом стал влиятельной научной корпорацией, но особенно активной является деятельность новых и чисто исследовательских центров, созданных при университете, Center for Humanities и Center for Historical Studies. Показательно стремление привлекать значимые фигуры современной историографии к участию в проектах и семинарах.

В ходе проекта проводятся научные мероприятия различного плана: серии семинаров, дискуссии и симпозиумы в ЦЕУ, на которых выступали (или приглашены выступить в ближайшем будущем) специалисты по проблемам истории древнего Востока и античности, а также медиевисты. Гостями ЦЕУ часто становятся историки Поздней античности и Раннего средневековья, в том числе авторы недавней и, пожалуй, наиболее известной монументальной публикации по проблеме Поздней античности¹.

Программа прошлого зимнего семестра на факультете медиевистики включала семинар Патрика Гири. Весной состоялись две лекции по теме римской истории, связанные с трактовками Поздней империи. На июль 2004 г. был запланирован двухнедельный курс по теме изменений интеллектуальной среды в период Поздней античности (*Changing Intellectual Landscapes in Late Antiquity*)².

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ (код проекта 02-06-80226а).

¹ *Late Antiquity: A Guide to the Postclassical World* / Ed. G.W. Bowersock, P. Brown, O. Grabar. Cambr. (Mass.), 1999.

² Летний университет ЦЕУ опубликовал программу курса *Changing Intellectual Landscapes in Late Antiquity July 19–30, 2004* на сайте: [ceu.hu/sun/Changing Intellectual Landscapes in Late Antiquity.html](http://ceu.hu/sun/Changing%20Intellectual%20Landscapes%20in%20Late%20Antiquity.html). Мы отметим для себя лишь основные заявленные темы, указанные в программе курса: идея трансляции империи, культ святых в поликультурном пространстве христианского и исламского мира Европы, Азии и Африки, ранний монастицизм, идея платонизма в период Поздней империи и Раннего средневековья, политеизм и монотеизм в поздний период античности. Весьма показателен и интересен список основных работ, предназначенных к обсуждению на семинарах: *Bowersock G.W., Warren G. Hellenism in Late Antiquity*. Ann Arbor, 1990; *Brook S.P. Syriac Perspectives on Late Antiquity*. L., 1984; *idem. From Ephrem to Romanos: Interactions Between Syriac and Greek in Late Antiquity*. Aldershot, 1999; *Brown P.R.L. Power and Persuasion in Late Antiquity: Towards a Christian Empire*. Madison, 1992; *idem. The Body and Society: Men, Women, and Sexual Renunciation in Early Christianity*. N.Y., 1988; *Late Antiquity: Empire and Successors, A.D. 425–600* / Ed. A. Cameron, B. Ward-Perkins, M. Whitby. Cambr., 2000; *Fowden G. Empire to Commonwealth: Consequences of Monotheism in Late Antiquity*. Princeton, 1993. Каждая из этих рекомендованных работ привлекла внимание специалистов и уже стала обязательным элементом современных университетских программ.

В качестве профессоров данного «летнего университета» были приглашены Глен Бауэрсок, Питер Браун, Аврил Камерон. Итак, можно с уверенностью сказать, что с ЦЕУ сотрудничают многие известные ученые, которые анализируют проблемы истории и историографии сложного переходного периода Поздней античности. Видимо, нет нужды излагать концепцию Поздней античности как сумму постулатов. Во-первых, представления об эпохе средиземноморской Поздней античности уже стали достаточно популярными³, в том числе и в нашей стране. Но главная причина заключается в том, что идея Поздней античности появилась в исследовательской работе, даже в ряде работ нескольких одаренных авторов, а не в некоем декларативном виде. Поэтому и любая попытка тезисно пересказать ее вряд ли будет удачной, особенно учитывая, что объем упрощенного изложения данных идей уже сравнялся с объемом авторских текстов.

Отметим лишь, что тема упадка или перехода в новое качество всегда являлась наиболее интересной для исторического анализа, но проблема упадка великой империи и именно упадка Римского государства стала излюбленной в европейском историографическом дискурсе. Таким образом, у любого специалиста-гуманитария есть множество причин интереса к данной эпохе и ее историографической картине.

Весьма трудно сказать, кто стал первым последовательным сторонником отрицания «упадка Римской империи» и кто является единственным изобретателем термина «Поздняя античность», но именно емкая работа Питера Брауна «The world of late antiquity, A.D. 150–750», бесспорно, получила особенно широкий резонанс.

Создается представление, что концепция оформилась и весьма быстро стала признанной историографической идеей (как в американской, так и в европейской исторической науке) во многом благодаря трудам одного ученого, историка, который получил образование как медиевист и выдвинул тезис, казалось бы, наименее приемлемый для медиевистов⁴.

Обратим внимание лишь на некоторые аспекты концепции Поздней античности: естественно, что именно такая особенность, как выделение в качестве особого периода – 150–750 годы, в первую очередь обращает на себя внимание и вызывает вопросы⁵. Но следует подчеркнуть, что данная трактовка периодизации истории является лишь следствием принципиально нового подхода к выбору приоритетных сфер исследования и арсенала источников.

Изучение античности в русле исследования институциональной истории на основе письменных источников (в первую очередь правовых документов) являлось традиционным для британской науки. Эта тенденция сменялась интересом к истории религиозности и ментальности в целом по визуальным источникам. Причем стали активно интерпретироваться не только особенности нарождающегося мира христианского Запада, но и восточнохристианской культуры и народов нехристианского Востока.

Естественно, в связи с представлениями о хронологии и периодизации следует выделить вопрос о том, как в европейской историографии осмысливались и описывались проблемы континуитета и становления нового. Концепция глобального упадка античного мира, выраженная в классическом труде Гиббона, безусловно, отражала общий строй историографических воззре-

³ По этой теме существуют университетские курсы (описание которых можно найти на сайте почти любого крупного университета).

⁴ Мне представляется достаточно важным обратить внимание на особенности профессионального образования и становления приверженцев концепции «Поздней античности». Упомянем тот простой факт, что Питер Браун студенческие годы провел в Оксфорде, где и начал свою исследовательскую и преподавательскую карьеру. Тогда же и была подготовлена увидевшая в свет в 1971 г. его работа «Мир Поздней античности», задуманная явно как вызов инертности мышления академических кругов и как поиск новой перспективы развития британской историографии. Уже приобретя известность, ученый связал свою карьеру после 1976 г. с американскими университетами и, работая в США, опубликовал и издал (в том числе в качестве соредатора) монументальные труды, развивающие концепцию Поздней античности: *Interpreting late antiquity: essays on the postclassical world* / Ed. G.W. Bowersock, P. Brown, O. Grabar. Camb. Mass., 2001; *Authority and the sacred: aspects of the Christianisation of the Roman world* / Ed. P. Brown. Camb.-N.Y., 1995; *Governanti e intellettuali: popolo di Roma e popolo di dio, I-VI secolo* / Ed. P. Brown, L.C. Ruggini, M. Mazza. Torino, 1982; *L'antiquité tardive // Histoire de la vie privée. Vol. 1. De l'Empire romain à l'an mil* / Ed. du Seuil. 1985. Выделим среди опубликованных в периодических изданиях работу Питера Брауна «The study of elites in Late Antiquity» (*Arcthusa*. 2000. 33.3. P. 321–346). Причем электронная версия текста доступна через интернет: <http://muse.jhu.edu/journals/arcthusa/v033/33.3brown.html>

⁵ В последующих публикациях под редакцией Питера Брауна по теме Поздней античности даты сдвигаются по крайней мере на полстолетия – 250–800 гг.

ний европейской исторической науки в том, что касается проблемы внутренних причин коренных изменений.

Стереотип описания кризиса и упадка античного общества периода Поздней империи существовал на протяжении большого периода, и, естественно, именно в британской науке инерция влияния идей Гиббона продолжалась особенно долго.

Одним из самых распространенных тезисов также было представление о роли внешних факторов: варварских переселений, нашествий новых иноязычных племен. Для Питера Брауна, как и для других авторов концепции Поздней античности, варварское вторжение на территорию запада империи сами по себе не прерывают традиции античной культуры. В то же время, по мысли автора «Мира Поздней античности», в ареале культуры Сасанидского Востока изменения наступают до арабского мусульманского натиска.

Не менее интересным кажется проанализировать сроки и масштабы изменений самих историографических представлений, быстроты восприятия новых идей среди историков, в университетской среде в целом. Концепция Late Antiquity (Поздней античности) стала известной в нашей стране в самое последнее время, хотя время ее европейского признания приходится на 1970-е годы.

Мы прекрасно помним, что в России смена исторических парадигм происходила в конце XX в. весьма быстро, как бы в противовес нескольким консервативным десятилетиям развития исторической науки. Точно так же и в пределах англоязычной академической среды разрыв с долгой традицией классической работы Гиббона случился пусть и несколькими десятилетиями раньше, но на памяти и в научной практике всего одного поколения историков. Следует принять во внимание, что значительная обобщающая работа А.Х.М. Джонса, последователя М.И. Ростовцева, во многом продолжающая традиционную линию исследования институциональной истории, вышла в свет в 1964 г., а своеобразный «манифест» идеи Поздней античности – блистательный скетч Питера Брауна «Мир Поздней античности» – был опубликован спустя всего семь лет, т.е. в 1971 г.⁶

Не берусь судить, к какому образу истории и исторического изложения отнес бы концепцию Поздней античности Хейден Вайт, чья концепция «Метаистория: историческое воображение в Европе» появилась почти одновременно с первой заметной работой Питера Брауна. Но мне кажется безусловным сходство романтического видения истории Хейзинги, его концепции «Осени средневековья» и концепции «Поздней античности» Брауна. У Хейзинги вызывала протест трактовка Позднего средневековья как преддверия Ренессанса, Браун не желает представлять себе пост-классический мир как сырье и основу для формирования средневековых исторических реалий: этот мир самоценен.

Классическое понятие о континуитете не соответствует тем представлениям, которые имеет в виду Питер Браун, употребляя термины *revival* применительно к культуре народов запада Империи 350–450 годов и *survival* применительно к обществу 450–600-х годов. В работе «*Notio Ludens*» у Хейзинги дана яркая картина исторического феномена игры, но нет самого определения игры, точно так же и у Брауна отсутствует стремление к выверенным дефинициям, не определяется термин «античность» или «Поздняя античность». Но в работах Питера Брауна по истории поздней античности в прямом смысле слова есть игра: и игра красок в иллюстративном материале, и игра привычными смыслами культуры в пассажах исследования.

Мы проанализировали работы одного из самых ярких историков Поздней античности, так как подход Питера Брауна не стал частным случаем исследования, но создал определенную историографическую позицию. Однако мы так и не попытались еще задать вопрос о том, насколько востребованной была концепция Поздней античности. Чем был вызван резкий всплеск интереса к новой идее описания античной истории, в чем ее привлекательность? И как соотносится парадигма Поздней античности с историографической традицией? Ответ может быть очень пространным, так как историографическая ситуация 70-х годов в Западной Европе и Северной Америке была весьма сложной и интересной. Но мне бы хотелось объединить интерес к англоязычной историографии древнеримской истории и к теме проекта «Империи» Центрально-Европейского университета.

Мне кажется, что на многие вопросы, связанные с созданием представлений об эпохе Поздней античности, как нельзя лучше помогают ответить прозвучавшие недавно в Будапеште выступления британских ученых – участников проекта «Империи». Как было подчеркнуто, проект проводится университетскими кафедрами совместно с недавно созданными исследовательскими центрами. Можно предположить, что именно сплав педагогической и исследовательской

⁶ The World of Late Antiquity, A.D. 150–750. L., 1971.

практики и знакомство с традицией различных академических центров помогают участникам университетского семинара рассмотреть природу нового историографического тезиса, раскрыть проблему популярной, но неоднозначной концепции адекватным образом.

Две лекции профессоров Оксфордского университета Аверил Камерон⁷ и Питера Хизера⁸, прозвучавшие в Центральном-Европейском университете в конце февраля – начале марта 2004 г., продолжили серию встреч-семинаров по проекту *Empires unlimited*. Обе лекции были посвящены сюжету Поздней античности, как историческим реалиям, так и историографическим инновациям. Отметим, что оба лектора использовали в названии лекций термин «*Late Roman Empire*» (Поздняя Римская империя) а не «Поздняя античность». При сходстве названий и тематики выступлений можно отметить значительное различие задач и ракурсов презентаций.

Выступление П. Хизера было в большей степени ассоциировано с частными трактовками проблем позднеантичной истории, а не с попыткой представить картину современной историографии вопроса, например, критику концепции «упадка» общества Поздней античности. Исследовательские интересы данного ученого связаны с изучением Римской империи, как на Западе, так и на Востоке, роли и особенности политических элит Поздней империи, инструмент идеологического воздействия и средств пропаганды. Также в работах исследователя рассматриваются сюжеты, связанные с миграцией и этничностью в период 250–600-х годов, в основном история варварских народов, пришедших на территории Западно-Римской империи⁹. Эти аспекты и были подчеркнуты в лекции, в частности, уделялось особое внимание оценкам эффективности военной и политической организации Поздней империи: созданию системы тетрархии, ситуации в армии. Лекция А. Камерон «Можем ли мы говорить об упадке Римской империи?» была посвящена вопросам развития историографии и истории идей: традиции британской медиевистики и истокам концепции Поздней античности. Ценно, что исследовательница стремится рассмотреть проблему в широком контексте историографической интерпретации «упадка империй», а это, возможно, в свою очередь, объясняется ее интересами в области изучения и преподавания истории Римской империи и Восточно-Римской (Византийской) империи. А. Камерон не только на протяжении двух десятилетий преподает и изучает одновременно проблемы поздней римской истории и истории Византии, но играет также активную роль в деятельности научных обществ и комитетов¹⁰. Аверил Камерон как представительница оксфордской университетской культуры известны многие особенности той среды и традиции, реакцией на которую и стало создание парадигмы Поздней античности. Работы самой А. Камерон (как и ее выступление на семинаре в ЦЕУ) отличаются сбалансированностью и взвешенностью суждений. Можно было бы назвать ее подход «позицией третьей стороны», тщательно прорабатывающего проблему психологической мотивации сторонников и противников концепции: от усталости от инерции изучения институциональной истории до поисков «политической корректности». Подчеркнув некоторые факты развития британской историографии прошлого века, исследовательница упомянула, что воззрения А.Х.М. Дженса и его интерес к институциональной истории представляли собой определенную реакцию на развитие марксистской концепции и стремление оградить университетскую науку от вульгаризации истории.

Точно так же и позиция Питера Брауна может быть рассмотрена как реакция на использование достаточно узкого круга письменных источников в британской школе исторических исследований, а также преимущественного изучения институционального материала. В ответ и в противовес данной тенденции возникла тяга к иным аспектам и свидетельствам истории: ре-

⁷ Британская исследовательница А. Камерон (Oxford, Keble College, External: Vice-President: Society for the Promotion of Roman Studies, Chair: Institute of Classical Studies Advisory Council) предложила тему лекции «The Later Roman Empire and the Concept of Decline». Камерон является автором и соиздателем фундаментальных трудов по историографии и источниковедению, истории культуры: *Cameron A. The Mediterranean World in Late Antiquity, A.D. 395–600. L., 1993; Changing Cultures in Early Byzantium / Ed. with P. Garnsey. Ashgate, 1996; Cambridge Ancient History. XIII: The Late Empire. AD 337–425 / Ed. with S.G. Hall. Camb., 1998; Eusebius, Life of Constantine, Clarendon Ancient Writers. Oxf., 1999.*

⁸ Peter Heather – профессор, Lecturer (CUF) in Modern History Worcester College University of Oxford. Выступление на тему «The Evolution of the Later Roman Empire» зарегистрировано на сайте ЦЕУ в рубрике активности Center for Humanities, CEU.

⁹ Среди основных публикаций автора выделим: *Goths and Romans 332–489. Oxf., 1991; State, lordship and community in the West (AD 400–600) // CAH. Vol. 14. 2001. P. 437–468; Politics, Propaganda, and Empire in the Fourth Century. Liverpool, 2001 (with D. Moncur); The Goths (The peoples of Europe series). Blackwell–Oxford, 1997.*

¹⁰ В частности: Society for the Promotion of Roman Studies, The Chair: Institute of Classical Studies Advisory Council. Society of Antiquaries; Ecclesiastical History Society.

лигиозной и идеологической культуре с их специфическим образным и символическим богатством выражения. Отсюда проистекает новый интерес к данным археологии, интенсивное использование визуального ряда, причем не с точки зрения истории искусства, но и позиций культурно-антропологического исследования. Не удивительно, что два принципиально различных круга источников и смена приоритетов в тематике исследований обуславливают ту ситуацию, что в науке появляются взаимоисключающие концепции и хронологии.

Подмеченные штрихи картины интеллектуальной обстановки, в которой возникла концепция Поздней античности, помогают осознать тот факт, что это была составляющая развития рафинированной оксфордской университетской культуры и в то же время реакция на консерватизм ее традиций. Но на данном этапе популярность концепции Поздней античности связана в основном с американской университетской практикой и начинает восприниматься как гораздо более радикальная и к тому же «политически корректная» идея, учитывающая полицентризм и поликонфессиональность мира Поздней античности.

Важно, что проблема Поздней Римской империи рассматривается в контексте общих вопросов изучения истории: историографии проблемы «эпохи упадка», проблемы сакрализации власти и социальных связей. Напомню, что в семинаре участвуют также и медиевисты, усматривающие многие черты континуитета в развитии средневековой империи Запада и Востока, например, проф. Дж. Нельсон¹¹. В ЦЕУ проводились недели исследований по средневековой тематике, посвященные истории падения Восточно-Римской империи (Византии)¹². Центр исторических исследований и университетский семинар подходят к новому этапу работы над проектом: готовится конференция под названием «Теология империи», которая состоится весной 2005 г., причем достаточное внимание в дискуссии, как планируется, будет уделено древним империям, хотя целью ставится обращение к общим проблемам сакрализации власти, имперской риторики и идеологии. Возможно, концепция Поздней античности также будет обсуждаться на этом научном форуме.

Интересно, что новаторская теория, которая пользуется мировым признанием и, прежде всего, распространением на американском континенте, по сути своей является внутрисемейным делом одного из старейших университетских центров Старого Света, плодом развития оксфордской школы исторических исследований.

Естественно, концепция Поздней античности – это не только реакция на консервативные тенденции британской историографии, но и результат обострения противоречий между приверженцами правовой и институциональной истории и сторонниками изучения более общих вопросов культуры общества: от материальной до конфессиональной составляющей, расширения спектра исторических источников.

В любом случае данная концепция является значимой, причем не только для развития антиковедения. Однако намеренное упрощение историографической ситуации, безоговорочно принятие исключительно данной идеи и отрицание всех иных, в том числе традиционных позиций описания истории Поздней империи было бы неоправданным. Анализ опыта работы семинара *Empires Unlimited* в ЦЕУ позволяет сделать любопытные наблюдения и выводы по поводу развития историографической идеи Поздней античности и ее применения в современной исследовательской и педагогической практике.

Н.А. Селунская

¹¹ Janet Nelson (King's College London). «Tenax conglutinatio voluntatum ('a gluing-together of wills that holds fast'): what made the Carolingian Empire hold together?» В лекции Джанет Нельсон анализировались те же вопросы, что и в лекции Питера Хизера: проблемы внутренних взаимосвязей, существующих в рамках сообществ раннесредневекового мира, роль таких традиционных (и узнаваемых для специалиста в области древней истории) инструментов поддержания духа единства, как совместная трапеза, организованная правителем или совместное купание воинов с их полководцем и повелителем.

¹² Constantinople 1453: The Fall of an Empire, the Rise of an Empire. Workshop in co-operation with the Medieval Studies Department at CEU and in the framework of the «Empires Unlimited» University Seminar. 28–29 November, 2003. Central European University, Budapest.